НИКОЛАС

СПАРКС

Выбор

Спаркс: чудо любви

Николас Спаркс

Выбор

«Издательство АСТ»

1996

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Спаркс Н.

Выбор / Н. Спаркс — «Издательство АСТ», 1996 — (Спаркс: чудо любви)

ISBN 978-5-17-090964-3

Любовь? Серьезные отношения? Ответственность? Семья? Закоренелый холостяк Трэвис Паркер считает, что все это не для него. У него есть отличная работа и верные друзья. Он увлекается охотой, рыбалкой, занимается экстремальными видами спорта и избегает серьезных отношений. Но не родился еще на свет человек, которому удалось бы уйти от настоящей любви… Когда в доме по соседству поселяется тихая, замкнутая Габи, жизнь Трэвиса меняется. Он влюблен. Влюблен страстно и неистово. Но он еще не знает, что любовь станет для него не только величайшей наградой, но и величайшим испытанием…

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-090964-3

© Спаркс Н., 1996
© Издательство АСТ, 1996

Содержание

От автора 6
Пролог 7
Часть 1 9
Глава 1 9
Глава 2 23
Глава 3 26
Глава 4 32
Глава 5 35
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Николас Спаркс
Выбор

© Nicholas Sparks, 1996
© Перевод. В. С. Сергеева, 2005
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Посвящается Льюисам – Бобу, Дебби, Коди и Коулу, а также моей семье

От автора

Буду говорить честно: иногда мне нелегко выражать благодарность по той простой причине, что моя писательская жизнь благословенно стабильна, а это в наши дни порой кажется чем-то необычным. Когда я вспоминаю свои ранние книги – например «Послание в бутылке» или «Спасение» – и перечитываю вступления к ним, то вижу имена людей, с которыми работаю и поныне. У меня все те же литагент и редактор, а еще обозреватель, юрисконсульт, специалист по рекламе, дизайнер и продюсер, сделавший несколько экранизаций. Все они заслуживают признательности.

Конечно, я, по своему обыкновению, начну с благодарностей в адрес Кэт, моей жены. Мы женаты восемнадцать лет, и нас многое объединяет: пятеро детей, восемь собак, шесть переездов (в трех разных штатах), трое очень грустных похорон, двенадцать книг и прочее. С самого начала меня кружило в водовороте событий, и я не могу представить себе ни одного из своих приключений без участия Кэт.

Мои дети – Майлз, Райан, Лэндон, Лекси и Саванна – растут медленно, но верно; я горячо их люблю и горжусь ими.

Тереза Парк, мой представитель в «Парк литерари групп», – один из моих ближайших друзей и удивительный человек. Умная, обаятельная и добрая, она – сущее благословение, и мне приятно благодарить ее за все, что она сделала.

Джейми Рааб, мой редактор в «Гранд сентрал паблишинг», также заслуживает благодарности. Она правит рукописи в надежде максимально улучшить их, и слава богу, что Джейми не изменяет мудрость и интуиция, когда дело касается моих романов. Я счастлив, что удостоился чести называть ее своим другом.

Дениза ди Нови, продюсер фильмов «Спеши любить», «Послание в бутылке» и «Ночи в Роданте», – моя лучшая приятельница в Голливуде, и я с восторгом жду очередного приглашения на съемочную площадку хотя бы потому, что это шанс увидеться.

Дэвид Янг, новый исполнительный директор «Гранд сентрал паблишинг», – не только мой друг, но и человек, который заслуживает всяческого уважения хотя бы за то, что мирится с моей отвратительной привычкой сдавать рукопись в последний момент. Прости меня за это!

Дженнифер Романелло и Эдна Фарл – специалисты по рекламе и мои друзья. Я рад, что работаю с вами с 1996 года, когда был опубликован «Дневник памяти». Спасибо за все, что вы сделали!

Редакторы Харви-Джейн Коуэл и Сона Вогел – я благодарен за то, что вы вылавливаете все ошибки, которые неизбежно вкрадываются в текст.

Хауи Сандерс и Кея Хаятян – благодаря вам я заработал целое состояние на экранизациях. Я невероятно вас ценю.

Скотт Швимер всегда готов мне помочь, и я давно считаю его своим другом. Спасибо, Скотт.

Я благодарен Марти Боуэну – продюсеру «Дорогого Джона». С нетерпением жду, когда же выйдет фильм.

И наконец, спасибо Шеннон О'Киф, Эбби Кунс, Шарон Красни, Дэвиду Парку, Линн Гаррис и Марку Джонсону.

Пролог

Февраль 2007 года

Истории жизни так же уникальны, как и люди, которые их рассказывают, и лучшие из них – те, что имеют непредсказуемый финал. По крайней мере так Тревису Паркеру говорил его отец, когда Тревис был ребенком. Он помнил, как отец сидел на кровати и улыбался, когда сын просил рассказать очередную историю.

– Какую же историю ты хочешь? – спрашивал отец.

– Самую лучшую, – отвечал Тревис.

Обычно отец несколько мгновений молчал, а затем в его глазах зажигался огонек. Он обнимал Тревиса и задушевным голосом начинал рассказ, который порой не давал мальчику уснуть даже после того, как отец выключал свет. В этих рассказах всегда были приключения, опасности, волнения и путешествия, а действие неизменно происходило в маленьком прибрежном городке Бофоре, что в Северной Каролине. В городе, где Тревис Паркер вырос и который до сих пор называл своим домом. Странно, но в большинстве историй фигурировали медведи. Гризли, бурые, белые… Отца не очень-то волновала достоверность в том, что касалось естественной среды их обитания. Он рисовал ужасающие сцены погонь по песчаным равнинам, и Тревис – он уже учился в средней школе – всерьез боялся, что однажды свирепый полярный медведь появится в городе. Хотя, как бы ему ни было страшно, он непременно спрашивал: «А что дальше?»

Тревису эти невинные дни казались обломками минувшей эпохи. Теперь ему было сорок три. Остановившись на парковке у больницы Картерет, где его жена работала последние десять лет, он снова вспомнил эти слова.

Выйдя из машины, Тревис потянулся за букетом, который прихватил с собой. Когда они с женой разговаривали в последний раз, то поссорились, и больше всего ему теперь хотелось взять свои слова обратно и искупить вину. Он не питал никаких иллюзий насчет того, что цветы помогут все уладить, но просто не знал, что еще сделать. Само собой разумеется, он чувствовал себя виноватым в случившемся. Правда, женатые друзья уверяли его, что ощущение вины – краеугольный камень всякого хорошего брака. Значит, сознание не дремлет, приоритеты поддерживаются на должном уровне, и человек изо всех сил избегает делать то, за что ему действительно могло бы быть стыдно. Друзья порой признавали собственные промахи по этой части, и Тревис понял: то же самое можно сказать практически про любую знакомую пару. Возможно, друзья просто хотели подбодрить его и уверить в том, что люди не идеальны и не стоит быть столь суровым к себе самому. «Все ошибаются», – повторял каждый. Хотя Тревис кивал, как будто верил им, он знал: друзья никогда не поймут, что ему пришлось пережить. Просто не смогут. В конце концов, их жены спали рядом с ними каждую ночь. Они не проводили по три месяца в разлуке и не гадали, насколько прочен их брак, вернется ли когда-нибудь жизнь на круги своя.

Пересекая парковку, Тревис думал о дочерях, о работе, о жене. Сейчас ничто не приносило ему облегчения. Он чувствовал себя так, будто потерпел поражение буквально на всех фронтах. В последнее время счастье казалось далеким и недостижимым, как открытый космос. Он не всегда так считал. Долгое время мнил себя счастливым. Но многое изменилось. Люди изменились. Перемены – один из непреодолимых законов природы, которая взимает с людей свою дань. Начинаются ошибки и сожаления – а в итоге даже такое простое действие, как встать поутру с постели, кажется на редкость трудоемким.

Покачав головой, Тревис подошел к двери больницы и вспомнил себя ребенком, который слушает отцовские истории и сказки. Его жизнь когда-то походила на прекрасную сказку,

подумал он. Сказку со счастливым концом. Взявшись за дверную ручку, Тревис ощутил знакомый прилив печали.

И лишь потом, охваченный воспоминаниями, он задумался: а что же дальше?

Часть 1

Глава 1

Май 1996 года

– Объясни еще раз, почему я согласился тебе помогать. – Мэтт, краснолицый и потный, продолжал толкать ванну к свежерасчищенному квадрату в дальнем конце веранды. Ноги у него скользили, пот стекал со лба, попадал в глаза. Было слишком жарко для начала мая. Чертовски жарко, проще говоря. Даже Моби, пес Тревиса, спрятался в тени и тяжело дышал, свесив язык.

Тревис Паркер, который передвигал массивный короб бок о бок с Мэттом, умудрился пожать плечами.

– Ты решил, что будет весело, – напомнил он, упираясь посильнее. Ванна, которая весила, должно быть, фунтов четыреста, продвинулась еще на пару дюймов. Такими темпами она окажется на месте примерно к концу следующей недели.

– Мы просто идиоты, – признал Мэтт, всем весом наваливаясь на ящик и думая, что на самом деле не помешала бы упряжка мулов. Спина болела адски. На мгновение ему показалось, что сейчас от напряжения у него оторвутся уши и полетят в разные стороны, совсем как ракеты, которые они с Тревисом запускали в детстве.

– Ты это уже говорил.

– И ничего веселого я здесь не вижу, – проворчал Мэтт.

– И это тоже.

– Мы все равно не установим ее как следует.

– А вот и нет, – сказал Тревис. Он выпрямился и указал на надпись на упаковке: – Видишь? Здесь сказано: «Легко установить».

Моби, чистокровный боксер, гавкнул со своего места в тени, как бы в знак подтверждения, и Тревис улыбнулся. Видимо, он был очень доволен собой.

Мэтт нахмурился, пытаясь отдышаться. Он ненавидел эту улыбку. Ну, не всегда. Как правило, ему нравился бесконечный оптимизм друга. Но только не сегодня. Уж точно не сегодня.

Он полез в задний карман за платком. Тот намок от пота – слов нет, какая огромная от этого польза для брюк. Мэтт вытер лицо и быстрым движением выжал платок. Пот закапал на мысок летней туфли, точно вода из неисправного крана. Мэтт смотрел на него точно загипнотизированный, а потом почувствовал, как влага просачивается сквозь тонкую ячеистую ткань. Пальцам стало прохладно и скользко. Просто супер.

– Если я не ошибаюсь, ты говорил, что Джо и Лэрд придут помогать с этой твоей игрушкой, а Меган и Элисон приготовят гамбургеры. И что мы выпьем пива. И что вся возня займет самое большее пару часов.

– Они придут, – подтвердил Тревис.

– Ты сказал это четыре часа назад.

– Должно быть, немного запаздывают.

– Может, ты им вообще не звонил?

– Разумеется, звонил. Они собираются привезти детей.

– И когда их ждать?

– Скоро.

– Ну-ну, – отозвался Мэтт и сунул платок обратно в карман. – Кстати, если они все-таки не приедут, то как, ради всего святого, мы с тобой вдвоем водворим эту штуку на место?

Тревис отмахнулся и снова принялся толкать ванну.

– Подумаем об этом потом. А сейчас лучше думай, как далеко мы продвинулись. Мы уже почти на полпути.

Мэтт снова нахмурился. Сегодня суббота. Суббота! Время отдыха и безделья. Перерыв, который он заслужил пятью днями работы в банке. Передышка, которая ему необходима. Он специалист по кредитам, черт возьми. Он должен толкать бумаги, а не ванны. Сейчас он мог бы смотреть матч «Брейвз» – «Доджерс». Мог бы играть в гольф! Лежать на пляже! Подольше поспать, а потом вместе с Лиз поехать к ее родителям, как обычно по выходным, – а вместо этого он поднялся на рассвете и в течение восьми часов занимался изнуряющим физическим трудом под палящим южным солнцем…

Мэтт помедлил. Кого он обманывает? Если бы он не пришел сюда, то, разумеется, провел бы день с тестем и тещей, – честно говоря, именно поэтому он и предпочел помочь Тревису. Но дело не в этом. Просто лично он обойдется без ванны. Честное слово, обойдется.

– Мне она не нужна, – заявил Мэтт.

Тревис, кажется, не расслышал. Он уже уперся руками в короб и занял исходное положение.

– Готов?

Мэтт согнулся, испытывая настоящую муку. Ноги у него дрожали. Дрожали! Он прекрасно понимал, что с утра его ждет адская боль, от которой не избавит и двойная доза таблеток. В отличие от Тревиса он не качался в спортзале четырежды в неделю, не играл в теннис, не бегал, не занимался подводным плаванием на Карибах, серфингом на Бали, лыжным спортом в Колорадо и так далее.

– Не смешно.

Тревис подмигнул:

– Ты это уже говорил.

– Ух ты! – воскликнул Джо, обходя наполненную горячей водой ванну. Солнце уже садилось, золотые лучи отражались в заливе. Цапля, вылетевшая из-за деревьев, скользила над самой поверхностью, рассеивая потоки света. Джо и Меган вместе с Лэрдом и Элисон приехали несколько минут назад с детьми, и Тревис хвалился проделанной работой.

– Потрясающе! И вы все это провернули вдвоем?

Тревис, с пивом в руках, кивнул.

– Все было не так уж плохо, – сказал он. – По-моему, Мэтт наслаждался процессом.

Джо взглянул на Мэтта, который плашмя лежал в шезлонге, с холодным компрессом на голове. Даже его живот (Мэтт всегда отличался некоторой тучностью) как будто опал.

– Да уж, вижу.

– Что, ванна была такая тяжелая?

– Как египетский саркофаг! – простонал Мэтт. – Ее впору краном поднимать!

Джо засмеялся.

– Можно детям залезть?

– Пока нет. Я только что ее наполнил. Надо подождать, пока вода нагреется. Впрочем, солнце нам поможет.

– Уж оно ее нагреет за считаные минуты, – хрипло добавил Мэтт. – Даже за секунды.

Джо ухмыльнулся. Все они дружили с детского сада.

– Нелегкий денек, да, Мэтт?

Тот сбросил компресс и нахмурился.

– Ты даже не представляешь насколько. Спасибо, что приехал вовремя.

– Тревис приказал быть к пяти. Если бы я знал, что вам нужна помощь, явился бы пораньше.

Мэтт медленно перевел взгляд на Тревиса. Иногда он по-настоящему его ненавидел.

– Как поживает Тина? – Тревис предпочел сменить тему. – Меган удается хоть немного поспать?

Меган болтала с Элисон за столом на дальнем конце веранды; Джо мельком взглянул на нее.

– Ну да. Кашель у Тины прошел, и она спит спокойно почти всю ночь. Но иногда мне кажется, что Меган просто разучилась спать. По крайней мере после родов. Она просыпается, даже если Тина не издает ни звука. Как будто ее будит тишина.

– Меган – отличная мать, – сказал Тревис. – И всегда такой была.

Джо повернулся к Мэтту:

– А где Лиз?

– Приедет с минуты на минуту, – сообщил тот загробным голосом. – Она собиралась провести день с родителями.

– Как мило.

– Придержи язык. Они славные люди.

– Помнится, ты утверждал, что, если тесть еще хоть раз поведает тебе о своем раке простаты, ты начнешь биться головой о стену.

Мэтт с трудом сел.

– Я никогда этого не говорил!

– Говорил. – Джо подмигнул, и тут из-за угла показалась жена Мэтта, Лиз. Чуть впереди нее ковылял маленький Бен. – Но не волнуйся, я никому не скажу.

Мэтт нервно взглянул на Лиз, потом на Джо и снова на жену, пытаясь понять, слышала ли она что-нибудь.

– Привет! – Лиз помахала мужчинам рукой и направилась к Меган и Элисон. Бен обрел свободу и заспешил к остальным детям.

Мэтт с облегчением вздохнул. Заметив это, Джо ухмыльнулся и понизил голос:

– Ага… Родня Мэтта. Видимо, именно так ты и заманил его сюда.

– Наверное, мне стоило об этом упомянуть… – Тревис улыбнулся.

Джо засмеялся.

– О чем вы там, парни? – с подозрением спросил Мэтт.

– Ни о чем, – откликнулись оба в один голос.

Позже, когда солнце село и вся еда была съедена, Моби свернулся клубочком в ногах у Тревиса. Слушая, как дети плещутся в ванне, Тревис ощутил глубочайшее удовлетворение. Он любил такие вечера и охотно бездельничал, прислушиваясь к смеху и болтовне. Элисон то разговаривала с Джо, то обращалась к Лиз, а потом к Лэрду и Мэтту; так поступали все, кто сидел вокруг стола на веранде. Никаких амбиций и претензий, никто никого не пытается смутить. Тревис иногда думал, что его жизнь похожа на рекламу пива, и по большей части он был счастлив просто плыть по течению и блаженствовать.

Женщины по очереди выходили взглянуть, как там дети. У Лэрда, Мэтта и Джо исполнение отцовских обязанностей, напротив, выражалось в том, что они время от времени повышали голос, чтобы успокоить малышей или предотвратить ссору. Разумеется, кто-нибудь из детей порой закатывал истерику, но в большинстве случаев материнский поцелуй или объятие решали проблему, и взрослым было так же приятно наблюдать за этим издалека, как детям – получать свою порцию ласки.

Тревис оглядел гостей, с удовольствием подумав, что его школьные друзья не только сделались хорошими мужьями и отцами, но и по-прежнему остались частью его жизни. Ведь так бывает далеко не всегда. В свои тридцать два года он знал, что жизнь порой похожа на азартную игру; Тревис пережил множество несчастных случаев, и некоторые могли бы нанести ему

серьезный физический ущерб – однако же обошлось. Жизнь непредсказуема. Люди, которых он знал с детства, погибали в автомобильных катастрофах, женились и разводились, начинали пить или подсаживались на наркотики либо просто уезжали из родного городка, и их лица изглаживались из памяти Тревиса. Каковы были шансы того, что четверка, связанная дружбой с раннего детства, по-прежнему будет проводить выходные вместе, даже когда им перевалит за тридцать? Весьма невелики, подумал Тревис. Но каким-то чудом, пережив подростковые прыщи, проблемы с девочками и неурядицы с родителями, а затем разъехавшись по четырем разным колледжам и сделав четыре разные карьеры, все они один за другим вернулись в Бофор. И стали скорее семьей, нежели друзьями. У них были свои секретные словечки и общий опыт, непонятный постороннему.

Как ни странно, их жены тоже ладили. У них было разное прошлое, они выросли в разных местах, но брак, материнство и бесконечные сплетни провинциального американского городка сделали свое дело – молодые женщины регулярно болтали по телефону и привязались друг к другу, как разлученные в детстве сестры. Лэрд женился первым – они с Элисон сочетались браком сразу же после выпуска из Уэйк-Форест. Год спустя к алтарю отправились Джо и Меган – они полюбили друг друга, когда учились на последнем курсе в Университете Северной Каролины. Мэтт, который учился в Дьюке[1], повстречал Лиз дома, в Бофоре, и через год они поженились. Тревис был шафером у всех троих.

Конечно, за последние несколько лет кое– что изменилось, в основном из-за прибавления в семействах. Лэрд не всегда присоединялся к Тревису в его велосипедных прогулках, Джо не мог, повинуясь минутной прихоти, отправиться с ним в Колорадо, как бывало раньше, а Мэтт тщетно сбивался с ног, пытаясь сопутствовать приятелю повсюду. Но все это было в порядке вещей. Друзья по-прежнему оставались в пределах досягаемости, и при правильном планировании Тревис проводил большинство выходных наилучшим образом.

Погрузившись в размышления, он даже не заметил, что разговор оборвался.

– Я что-то пропустил?

– Я спросила, звонил ли ты Монике, – сообщила Меган, и Тревис сообразил, что влип. Все шестеро, как ему казалось, проявляли слишком большой интерес к его личной жизни. Проблема с семейными людьми в том, что они полагают, будто все вокруг непременно должны жениться и выходить замуж. Каждая женщина, с которой встречался Тревис, подвергалась тонкому, хотя и неумолимому разбору, особенно со стороны Меган. В таких ситуациях она становилась лидером и всегда пыталась вычислить, что именно заводит их друга, когда дело касается женщин. А тот, разумеется, не упускал возможности, в свою очередь, потянуть за нужную ниточку.

– В последнее время нет, – ответил он.

– Почему? Она такая милая.

«А еще редкостная неврастеничка, – подумал Тревис. – Но речь сейчас не об этом».

– Если помнишь, она со мной поругалась.

– И что? Готова поспорить, она ждет твоего звонка.

– А мне показалось, наоборот.

Меган, Элисон и Лиз уставились на него как на идиота. Мужчины, как обычно, наслаждались происходящим. Это была непременная составляющая субботнего вечера.

– Значит, вы поссорились?

– И что?

– А тебе не кажется, что она просто сорвалась?

– Я тоже был зол.

---

[1] Имеется в виду Университет Дьюка – частный университет, расположенный в г. Дарем, штат Северная Каролина. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Почему?

– Она требовала, чтобы я побывал у психолога.

– Дай-ка угадаю – ты сказал, что тебе не нужен психолог?

– Психолог мне понадобится в тот день, когда ты увидишь меня в юбке и с вязальными спицами в руках.

Джо и Лэрд засмеялись, Меган вскинула брови. Как всем было известно, она каждый день смотрела ток-шоу Опры.

– Ты считаешь, что мужчинам не нужен психолог?

– Я знаю, что мне не нужен.

– А в общем?

– Поскольку я не выступаю от лица всех мужчин, то и не берусь судить.

Меган откинулась на спинку кресла.

– А я думаю, что Моника, возможно, права. Лично я считаю, что у тебя проблемы с женщинами.

– В будущем не стану спрашивать у тебя совета.

Меган подалась вперед.

– Сколько продолжался твой самый долгий роман? Два месяца? Четыре?

Тревис задумался.

– С Оливией мы встречались почти год…

– Школьные романы не считаются, – встрял Лэрд. Разумеется, приятели не упускали возможности его подставить.

– Спасибо, Лэрд, – отозвался Тревис.

– Всегда пожалуйста, дружище.

– Ты уходишь от ответа, – напомнила Меган.

Тревис побарабанил пальцами по колену.

– Наверное… надо признать… Не помню.

– Иными словами, ни одного романа, который стоило бы запомнить?

– А что я могу сказать? Я еще не встретил женщину, которая сравнилась бы с вами.

Несмотря на сгустившиеся сумерки, Тревис видел, что Меган польщена. Он уже давно понял, что лесть – лучшая защита в подобных ситуациях, тем более что он был абсолютно искренен. Меган, Лиз и Элисон – потрясающие женщины. Добрые, верные, здравомыслящие.

– Да, но ты ведь знаешь, что мне она нравится, – ответила Меган.

– Тебе нравятся все, с кем я встречаюсь.

– Нет. Лесли мне не нравилась.

Никому из жен его друзей не нравилась Лесли. Мэтт, Лэрд и Джо, напротив, не возражали против ее общества, особенно когда Лесли появлялась в бикини. Она, несомненно, была красоткой, и хотя Тревис все равно бы на ней не женился, они славно развлекались, пока продолжался их роман.

– Мне все-таки кажется, следует ей позвонить, – настаивала Меган.

– Я подумаю, – ответил Тревис, прекрасно понимая, что не позвонит. Он встал, изыскивая путь к бегству. – Кто-нибудь хочет еще пива?

Джо и Лэрд одновременно воздели свои бутылки, прочие покачали головами. Тревис направился к холодильнику, помедлил, остановившись у стеклянной входной двери, а потом зашел в дом и сменил диск в проигрывателе; возвращаясь с пивом к столу, он слушал, как музыка разносится по двору. К тому времени Меган, Элисон и Лиз уже обсуждали Гвен, свою парикмахершу. Гвен знала множество историй, в том числе о противозаконных пристрастиях некоторых горожан.

Тревис молча держал свое пиво и смотрел на реку.

– О чем думаешь? – спросил Лэрд.

– Не важно.

– А все-таки?

Тревис обернулся к нему:

– Ты когда-нибудь замечал, что от одних названий цветов образуются фамилии, а от других – нет?

– Что это значит?

– Например, Уайт и Блэк. Мистер Уайт, Белый, – это тот тип, который держит магазин радиоаппаратуры. Мистер Блэк, Черный, был нашим учителем в третьем классе. Мистер Грин ведет викторину по телевизору. Но я в жизни не слышал о человеке по фамилии Оранж или Блу[2]. Похоже, некоторые цвета хороши в качестве фамилий, а другие звучат глупо. Понимаешь, о чем я?

– Наверное, я никогда не задумывался.

– Я подумал об этом буквально только что. Все равно, это довольно странно, тебе не кажется?

– Конечно, – согласился Лэрд.

Оба помолчали.

– Я же сказал, это пустяк.

– Ну да, сказал.

– Я был прав?

– Ага.

Когда малышка Джози во второй раз за пятнадцать минут закатила скандал (было уже почти девять вечера), Элисон подхватила ее на руки и многозначительно взглянула на мужа; это значило, что пора укладывать детей. Лэрд не стал спорить. Как только он поднялся из-за стола, Меган посмотрела на Джо, Лиз кивнула Мэтту, и Тревис понял, что вечер окончен. Родители могут считать себя главными, но в конце концов именно дети диктуют правила.

Он, конечно, мог бы уговорить кого-нибудь из друзей остаться на ночь, но Тревис уже давно привык к тому, что его приятели живут в несколько ином ритме. Кроме того, у него возникло подозрение, что сегодня заглянет в гости младшая сестра Стефани. Она приехала из Чепл-Хилла, где изучала биохимию и готовилась к получению степени магистра. Хотя Стефани собиралась остановиться у родителей, обычно после поездки она испытывала сильное желание поболтать, а мать с отцом в это время уже ложились спать. Меган, Джо и Лиз встали и начали убирать со стола, но Тревис отмахнулся:

– Сам разберусь.

Через пару минут детей уже рассадили в два седана и один минивэн. Тревис стоял на крыльце и махал рукой, пока машины выкатывали с подъездной дорожки.

Когда друзья уехали, он пошел к проигрывателю, порылся среди дисков, поставил «Роллинг стоунз» и включил погромче. По пути к своему креслу прихватил еще пива, а потом задрал ноги на стол и откинулся на спинку. Моби сидел рядом.

– Только ты и я, – произнес Тревис. – Как думаешь, когда приедет Стефани?

Моби отвернулся. Если не было слов «гулять», «мячик», «косточка» или «покататься», пса не очень-то интересовало то, что говорит хозяин.

– Может, позвонить и выяснить, где она?

Моби смотрел в никуда.

– Да-да, совершенно с тобой согласен. Когда приедет, тогда и приедет.

Тревис сидел, потягивая пиво, и смотрел на воду. Моби тихонько заскулил.

– Хочешь мячик? – спросил Тревис.

Моби вскочил так быстро, что чуть не опрокинул стул.

---

[2] Orange – оранжевый; blue – голубой, синий (*англ.*).

Именно музыка стала последней каплей – неделя и так выдалась хуже некуда. Громкая музыка. Ну ладно, в девять часов вечера в субботу это не такое уж преступление, тем более что у соседа, судя по всему, были гости. И в десять – тоже довольно терпимо. Но в одиннадцать? Когда он один и играет в мячик с собакой?

Стоя на заднем крыльце, Габи видела, как он сидит в тех же шортах, которые были на нем с утра, швыряет псу мячик и смотрит на реку. О чем, ради бога, он думал?

Вероятно, не следовало так сердиться; нужно было просто не обращать на него внимания. «Мой дом – моя крепость». Он может делать что вздумается. Но проблема не в этом. Просто она – его соседка, а соседи должны быть внимательны по отношению друг к другу. По правде говоря, он переступил черту. Не только из-за музыки. Честно говоря, она разделяла его музыкальные вкусы и обычно не возражала, даже если сосед включал звук на полную катушку. Проблема была в собаке. Нобби, или как там его. Точнее, в том, что натворил этот пес.

Молли была беременна.

Молли, красивая, ласковая, чистокровная колли, победительница выставок, ее первое приобретение после окончания медицинской практики в университете Восточной Виргинии, собака, о которой она всегда мечтала… так вот, Молли в последние две недели заметно потяжелела. А главное, у нее набухли соски. Они без труда прощупывались, когда Молли ложилась на спину и подставляла брюхо. А еще она стала медленнее двигаться. Судя по всему, ей предстояло произвести на свет щенков, которых удастся пристроить разве что чудом. Помесь боксера и колли? Габи поморщилась, пытаясь представить, как будут выглядеть щенки, а потом решительно отогнала эту мысль.

Разумеется, это соседский боксер. Когда у Молли была течка, он буквально торчал у двери, как сыщик. Это единственный пес, который околачивается по кварталу. Озаботился ли его хозяин тем, чтобы огородить свой двор? Чтобы не выпускать собаку без присмотра? Чтобы держать в вольере? Нет. Его девиз – «Моя собака свободна!». Неудивительно. Судя по всему, этот человек и сам живет, руководствуясь тем же принципом. Безответственность, вот что это такое! По пути на работу Габи видела, как он гуляет с собакой, а когда возвращалась домой, он катался на велосипеде или на роликах или играл в баскетбол с соседскими ребятишками. Месяц назад спустил на воду катер и с тех пор развлекался еще и водными лыжами, как будто прежних видов деятельности ему недоставало. Судя по всему, бог воспретил этому типу работать хотя бы минуту сверхурочно – а по пятницам, насколько ей было известно, он вообще не работал. Интересно, чем он вообще занимается, если идет на работу в джинсах и футболке? Габи понятия не имела, но подозревала (с мрачным удовлетворением), что наиболее вероятные рабочие принадлежности соседа – фартук и бейджик с именем.

Ну ладно, возможно, она несправедлива. Вероятно, ее сосед славный парень. Его друзья вполне нормальные люди, и к тому же с детьми, очевидно, наслаждались его обществом и все свободное время проводили здесь. Габи вспомнила, что кого-то из них видела у себя в кабинете, когда их дети подхватывали насморк. Но как быть с Молли? Та сидела у задней двери и виляла хвостом; Габи с тревогой задумалась. С Молли все будет в порядке, но что делать со щенками? А если никто не захочет их брать? Габи уж точно не понесет кутят к пруду или в какой-нибудь «центр», как они там называются, где малышей просто усыпят. Она не сможет этого сделать. И не сделает. Не позволит убить щенков.

Но как ей тогда поступить?

Это все его вина, а он сидит на веранде, задрав ноги на стол, и держится так, как будто ни при чем.

Вовсе не о таком мечтала Габи, когда впервые год назад увидела этот дом. К сожалению, ей предстояло поселиться не в Морхед-Сити, где жил ее парень Кевин, но всего лишь в нескольких минутах езды от него. Дом был маленький, почти полувековой давности, кое-

как отремонтированный, но вид на гавань открывался потрясающий, двор оказался достаточно просторным, чтобы Молли могла побегать, а главное – жилье вполне по карману. Конечно, чтобы расплатиться, Габи пришлось неоднократно брать кредиты, но банковские служащие обычно проявляют понимание, ссужая деньги таким, как она. Образованным и успешным женщинам. Которые не похожи на мистера Я-не-работаю-по-пятницам.

Она глубоко вздохнула и вновь напомнила себе, что, возможно, ее сосед славный парень. Сосед всегда махал ей рукой, когда она возвращалась с работы, а два месяца назад принес полную корзину сыра и вина, чтобы поздравить с новосельем. Ее не оказалось дома, поэтому он оставил подарок на веранде. Габи пообещала себе, что напишет благодарственную записку, но так и не собралась это сделать.

Она снова поморщилась. К слову, о моральном превосходстве. Конечно, она тоже не идеал, но сейчас речь не о какой-то забытой записке, а о Молли, о его псе, который бродит без присмотра, и о нежеланных щенках. Настало время обсудить ситуацию. Тем более что, судя по всему, сосед не спит.

Габи спустилась с веранды и зашагала к живой изгороди, которая разделяла их дворы. Она была бы не против, если бы Кевин сейчас оказался рядом, но это было невозможно. Не теперь, после их утренней ссоры, которая началась, когда она случайно упомянула о свадьбе своей двоюродной сестры. Кевин, погруженный в чтение спортивных новостей, не произнес ни слова – предпочел сделать вид, что ничего не слышал. Все, что касалось свадьбы, превращало его в каменную статую, особенно в последнее время. Габи решила, что не стоит удивляться – они встречались уже почти четыре года (кстати, на год меньше, чем ее кузина). Если она и успела что-то понять о характере Кевина, так именно то, что он будет всячески избегать тем, которые считает неприятными.

Но проблема заключалась не в нем. И не в том, что Габи чувствовала себя так, как будто жизнь не вполне удалась. Не в том, что на работе выпала ужасная неделя… в пятницу ее трижды вырвало, и это был абсолютный рекорд, по крайней мере если верить медсестрам, которые не старались скрыть ухмылки. Не в том, что она злилась на Эдриана Мелтона, своего женатого коллегу, который, общаясь, всегда старался притронуться к ней, и каждый раз его рука задерживалась чуть дольше положенного. И разумеется, не в том, что Габи ни разу не попыталась уклониться.

Ничего подобного. Проблемой был лишь он, мистер Весельчак – безответственный сосед, которому придется смириться с тем фактом, что он вместе с ней должен искать выход из сложившейся ситуации. И когда она будет доводить это до его сведения, то, возможно, заодно намекнет, что уже поздновато включать музыку на полную громкость (пусть даже их музыкальные пристрастия совпадают). Просто чтобы он понял, что Габи настроена серьезно.

Она заметила просвет в кустарнике и направилась к нему. Возможно, это была та самая брешь, которой воспользовался Нобби, чтобы овладеть бедняжкой Молли. У Габи сжалось сердце, и на сей раз она постаралась не утратить нужного настроя. Это важно. Очень важно!

Сосредоточившись на своей миссии, Габи не заметила, что теннисный мячик полетел в ее сторону в ту самую секунду, когда она появилась из кустов. Она услышала стук собачьих лап, а потом вдруг получила сильный удар и упала.

Лежа на спине, Габи смутно сознавала, что над ней слишком много звезд, а небо чересчур яркое и расплывчатое. На мгновение она удивилась, что не может дышать, а затем ее напугала боль, которая разливалась по всему телу. Девушка могла лишь лежать на траве и вздрагивать при каждом биении сердца.

Откуда-то издалека донеслись невнятные звуки, а потом мир медленно начал обретать отчетливые очертания. Габи попыталась сосредоточиться и поняла, что это не просто звуки, а голоса. Точнее, голос. Кто-то спрашивал, все ли с ней в порядке.

Одновременно Габи ощутила на щеке чье-то теплое зловонное и ритмичное дыхание. Она моргнула, скосила глаза и обнаружила над собой огромную квадратную морду. Нобби, отметила она сквозь дурноту.

– Ох-х-х… – простонала Габи, пытаясь сесть. Едва она пошевелилась, пес лизнул ее в лицо.

– Моби, лежать! – прозвучал голос, на этот раз ближе. – С вами все в порядке? Может, пока не стоит вставать?

– Со мной все в порядке, – выдавила Габи и наконец села. Она глубоко вздохнула пару раз. Голова кружилась. Ничего себе, подумала девушка. Как же больно. В темноте она увидела, что мужчина опустился на корточки рядом с ней, хотя с трудом могла различить его черты.

– Пожалуйста, простите, – сказал сосед.

– А что случилось?

– Моби случайно сбил вас с ног. Он бежал за мячиком.

– Кто такой Моби?

– Моя собака.

– Тогда кто Нобби?

– Что?

Габи поднесла руку к виску.

– Так, ничего.

– Вы уверены, что все в порядке?

– Да, – сказала она, чувствуя, как боль сменяется размеренным пульсированием. Габи попробовала встать, и сосед взял ее за плечо, помогая подняться. Она немедленно вспомнила карапузов, которых приводили к ней в больницу, и то, как малыши изо всех сил пытались удержать равновесие. Когда она наконец ощутила под собой твердую почву, мужчина отпустил ее плечо.

– Ну вроде как «добро пожаловать», да?

Его голос по-прежнему доносился откуда-то издалека, но Габи знала, что это обман. Оказавшись лицом к лицу с соседом, она обнаружила, что он выше как минимум на шесть дюймов. Габи подняла глаза и заметила угловатые скулы и чистую кожу. У мужчины были волнистые каштановые волосы и ослепительно белые зубы. Вблизи он казался интересным, очень интересным, и Габи заподозрила, что ему самому это прекрасно известно. Глубоко задумавшись, она открыла рот, чтобы о чем-то спросить, и снова закрыла, потому что забыла вопрос.

– Надо же, вы решили заглянуть в гости, и вас сбила с ног моя собака, – продолжал он. – Честное слово, мне очень неловко. Обычно он куда внимательнее. Поздоровайся, Моби.

Пес сидел на задних лапах, чертовски довольный собой, и Габи немедленно вспомнила о цели своего визита. Моби поднял лапу в знак приветствия. Очень мило – и сам Моби был весьма симпатичен для боксера, – но Габи не проведешь. Перед ней сидел преступник, который не только сбил ее с ног, но и совратил Молли. Следовало дать ему кличку Разбойник. Или еще лучше – Извращенец.

– Вы уверены, что все в норме?

Габи вспомнила, что намеревалась завязать совсем другой разговор, и попыталась воскресить то чувство, которое испытывала по пути сюда.

– Да, – резко ответила она.

Несколько томительных секунд они молча разглядывали друг друга. Наконец мужчина спросил:

– Может, посидим на веранде? Я вот слушаю музыку…

– С чего вы взяли, что я хочу сидеть на веранде? – огрызнулась Габи, наконец восстановив боевой дух.

Он ответил не сразу.

– Потому что вы сами сюда пришли, так?

Ах да. Точно.

– Конечно, мы можем постоять и здесь, если вам так хочется, – продолжал он.

Габи вскинула руку, чтобы поскорее остановить говоруна.

– Я пришла, потому что хотела с вами обсудить…

Она замолчала, потому что он вдруг шлепнул себя по бокам.

– И я тоже, – заявил он, прежде чем Габи успела продолжить. – Давно собирался заскочить и официально поздравить с новосельем! Вы получили мою корзину?

Габи услышала жужжание над ухом и отмахнулась.

– Да. Спасибо, – рассеянно ответила она. – Но я хотела поговорить о… – Она замолчала, когда поняла, что он не слушает. Сосед почему-то принялся махать рукой в воздухе.

– Вы уверены, что не хотите зайти на веранду? – повторил он. – Здесь, возле кустов, полно москитов.

– Я хочу сказать, что…

– У вас на ухе сидит москит, – сообщил он, указывая пальцем.

Габи инстинктивно хлопнула себя по уху.

– На другом.

Она повторила движение и увидела капельку крови. Вот гадость.

– И еще один на щеке.

Вокруг нее, кажется, собралась целая стая.

– В чем дело?!

– Я же сказал, здесь кусты. Москиты любят влагу, а в тени всегда сыро…

– Хорошо, – уступила Габи. – Можно поговорить и на веранде.

Они быстро зашагали к дому.

– Ненавижу москитов. Поэтому всегда держу на столе ароматические свечи. Запаха цитронеллы обычно хватает, чтобы их отпугнуть. Летом от мошкары вообще покоя нет. – Мужчина держался чуть впереди, чтобы случайно не столкнуться с гостьей. – Кстати, мы, кажется, так и не познакомились. Меня зовут Тревис Паркер.

Габи ощутила, что вновь теряет боевой настрой. Она, в конце концов, пришла сюда не знакомиться. Но хорошее воспитание победило, и девушка ответила прежде, чем успела прикусить язык:

– А я Габи Холланд.

– Рад знакомству.

– Ну да, – отозвалась она и демонстративно скрестила руки на груди, а потом пощупала ребра в том месте, где по-прежнему пульсировала тупая боль, и пощупала ухо, которое уже начало чесаться.

Глядя на нее, Тревис понимал, что девушка сердится. Губы стянуты в нитку – это выражение он не раз видел на лицах своих подруг. Он чувствовал, что гнев направлен на него, хотя понятия не имел почему. Не считая, конечно, того, что Моби сбил ее с ног. Но дело было не только в собаке. Он вспомнил гримасу, которую делала его младшая сестра Стефани, когда в ней постепенно нарастало чувство обиды, – именно так сейчас выглядела и Габи. Как будто намеренно довела себя до такого состояния. Но на этом сходство заканчивалось. Стефани выросла бесспорной красавицей, а Габи была привлекательна, но не настолько безупречна. Синие глаза посажены чуть шире, чем следовало бы, нос слегка великоват, рыжие волосы невозможно пригладить, – но отчего-то все эти маленькие недостатки придавали ей беззащитный вид, который не оставляет равнодушным ни одного мужчину.

Габи пыталась собраться с мыслями.

– Я пришла сюда, потому что…

– Подождите, – перебил Тревис. – Может, сначала сядем? – Он направился к холодильнику и на полпути обернулся: – Хотите пива?

– Нет, спасибо, – ответила Габи, желая поскорее с этим покончить. Садиться она тоже не собиралась – в надежде успеть все сказать Тревису, когда тот пойдет мимо. Но он проскочил слишком быстро, плюхнулся в кресло, откинулся на спинку и задрал ноги на стол.

Габи, взволнованная, продолжала стоять. Все шло не так, как она планировала.

Он открыл пиво и отхлебнул.

– Вы не собираетесь присесть?

– Спасибо, лучше постою.

Тревис покосился на гостью, заслонив глаза ладонью.

– Но мне вас почти не видно, – сказал он. – Свет падает сзади.

– Я хотела кое-что вам сказать…

– Вы не могли бы сделать два шага в сторону?

Габи нетерпеливо фыркнула и отодвинулась.

– Теперь лучше?

– Нет.

Она раздраженно вскинула руку.

– Может, вы все-таки сядете? – предложил Тревис.

– Хорошо. – Габи придвинула стул и села. Этот человек буквально выбил ее из колеи. – Я пришла сюда, потому что хотела с вами поговорить… – Она задумалась, начать ли с Молли или со слов о том, каким должен быть добропорядочный сосед.

Тревис изогнул бровь:

– Я это уже слышал.

– Знаю! – огрызнулась Габи. – Я пыталась закончить, но вы мне не позволили!

Она взглянула на него точно так же, как это делала Стефани. Тревис по-прежнему понятия не имел, из-за чего Габи так взвилась. Она начала нерешительно, как будто опасаясь, что он снова ее перебьет. Тревис не перебивал – и Габи, судя по всему, вошла в ритм: она говорила все быстрее и быстрее. Рассказала, как нашла этот дом, как радовалась покупке, потому что долго мечтала о том, чтобы обзавестись собственным жилищем, а затем перешла к Молли, у которой набухли соски. Поначалу Тревис не мог понять, кто такая Молли, так что эта часть монолога обрела несколько сюрреалистическое звучание. Но по мере того как соседка продолжала, он наконец сообразил, что речь о колли, которую он время от времени видел на прогулке с хозяйкой. Потом Габи заговорила об уродливых щенках, о том, что категорически против убийства, а еще почему-то – о рвоте и о каком-то докторе Мелтоне, «который здесь вообще ни при чем». Честно говоря, все это казалось бессмысленным до тех пор, пока соседка не начала тыкать в сторону Моби. Тревис сложил фрагменты воедино, и до него дошло: Габи считает, что его боксер повинен в беременности Молли.

Он хотел сказать, что Моби не виноват, но Габи так разошлась, что Тревис решил: пусть сначала закончит, протесты потом. К этому времени ее речь текла рекой. Фрагменты личной жизни то и дело внезапно проскакивали в рассказе – маленькие обрывки, как будто ни с чем не связанные, вперемежку со взрывами гнева в его адрес. Тревису казалось, что Габи не замолкала минут двадцать, но он знал, что это не так. И все-таки выслушивать от посторонней женщины обвинения в том, что ты плохой сосед, не так уж приятно – и еще Тревис не мог согласиться с тем, что она говорила о Моби. Моби, по его мнению, был лучшей собакой на свете.

Габи все-таки делала паузы, и тогда Тревис безуспешно пытался возразить. Но толку было немного, потому что она сразу его перебивала. Он слушал и – по крайней мере в те моменты, когда соседка не обвиняла его, – ощущал в ее речи нечто вроде отчаяния, даже замешательства. Собака, сознавала это Габи или нет, была лишь частью проблемы. Тревис испытал прилив сострадания и поймал себя на том, что кивает – просто чтобы показать, что внимательно

слушает. То и дело Габи обращалась к нему с вопросом – но сама же и отвечала прежде, чем он успевал открыть рот. «Разве соседи не должны обдумывать свои поступки?» Он собирался сказать: «Да, разумеется», – но она его опережала: «Конечно, должны!» И Тревис снова кивал.

Закончив наконец свою тираду, Габи потупилась. Хотя ее губы по-прежнему оставались сжатыми в нитку, Тревису показалось, что девушка готова заплакать. Он задумался, не предложить ли ей платок. Платки лежали в доме слишком далеко, но он вспомнил, что возле гриля должны быть салфетки. Тревис быстро встал, нашел несколько штук и принес. Поколебавшись, она взяла салфетку и промокнула уголки глаз. Теперь, когда Габи успокоилась, Тревис заметил, что она милее, чем ему показалось на первый взгляд.

Она прерывисто вздохнула.

– Вопрос в том, что вы собираетесь делать.

Тревис помедлил, пытаясь понять, на что она намекает.

– Делать – по поводу чего?

– По поводу щенков!

Он услышал, как в ее голосе вновь нарастает гнев, и вскинул руки, надеясь успокоить гостью.

– Давайте начнем сначала. Вы уверены, что Молли беременна?

– Конечно! Вы что, совсем меня не слушали?

– Ее осмотрел ветеринар?

– Я фельдшер. Два с половиной года училась в медицинском колледже и прошла стажировку. Я сумею распознать беременность.

– Не сомневаюсь – если дело касается людей. Но у собак все по-другому.

– Откуда вам знать?

– Я хорошо разбираюсь в собаках. Я…

«Ну да, разумеется», – подумала Габи, жестом заставляя его замолчать.

– Она двигается медленнее, странно себя ведет, у нее набухли соски. Что еще это может быть?

Честное слово, каждый мужчина, у которого в детстве был щенок, считает себя специалистом по собакам.

– А вдруг у Молли инфекция? Вдруг соски отекли из-за этого? Странное поведение может объясняться тем, что собака испытывает боль, если заболевание достаточно серьезное.

Габи открыла рот и тут же осознала, что даже не подумала об этом. Соски действительно могли набухнуть от инфекции – например от мастита, – и на мгновение она ощутила прилив облегчения. Но когда Габи хорошенько подумала, иллюзии развеялись. Речь шла не об одном-двух сосках. Все набухли. Она скрутила салфетку и мысленно приказала Тревису слушать молча.

– Молли беременна, и у нее будут щенки. И вы поможете мне их пристроить, поскольку я не собираюсь топить бедняжек!

– Я уверен, что Моби не виноват.

– Я знала, что вы это скажете.

– Но…

Она в ярости тряхнула головой. Как это типично. Беременность – всегда проблема женщины. Габи встала.

– Вам придется нести некоторую ответственность. И я надеюсь, вы прекрасно понимаете, что пристроить щенков будет непросто.

– Но…

– Господи, что это было? – поинтересовалась Стефани.

Габи исчезла по ту сторону изгороди; через несколько секунд Тревис увидел, как она закрывает за собой входную дверь. Он по-прежнему сидел за столом, чувствуя себя слегка ошеломленным, когда заметил сестру.

– И долго ты здесь была?

– Достаточно долго, – ответила она, направилась к холодильнику и взяла себе пива. – Сначала я думала, что она тебе врежет. Потом мне показалось, что она сейчас заплачет. А потом она как будто снова собралась тебе врезать.

– В общем, ты права, – признал Тревис и потер лоб, все еще обдумывая случившееся.

– Как всегда, твои подружки от тебя без ума.

– Это не подружка. Это моя соседка.

– Еще лучше. – Стефани села. – И давно встречаетесь?

– Мы не встречаемся. Сегодня вообще увиделись впервые.

– Впечатляет, – заметила сестра. – Я и не подозревала, что у тебя такой талант.

– Какой?

– Внушать людям ненависть с первого взгляда. Это редкий дар. Обычно требуется какое-то время, чтобы человек узнал тебя получше.

– Очень смешно.

– А ты, Моби… – обернулась она к псу и погрозила пальцем, – мог бы быть и повнимательнее.

Моби завилял хвостом, встал, подошел к Стефани и ткнулся носом ей в колени. Она оттолкнула его, лишь вынудив пса повторить свою попытку.

– Полегче, ты, старый прохвост.

– Моби не виноват.

– Я в курсе. Впрочем, не то чтобы твоей соседке было приятно это слышать.

– Она просто расстроена.

– Ясное дело. Я далеко не сразу поняла, о чем вообще речь. Но должна сказать, было увлекательно.

– Эй, полюбезнее.

– Я и так любезна. – Стефани откинулась на спинку кресла и оценивающе взглянула на брата. – А она хорошенькая, правда?

– Не заметил.

– Ну да, разумеется… Я видела, как ты строил ей глазки.

– Эй, эй. Что-то ты сегодня разошлась.

– А как же иначе? У меня был убийственно трудный экзамен.

– Ты не ответила на какой-то вопрос?

– Ответила на все. Но над некоторыми пришлось поломать голову.

– Не хотел бы я оказаться в твоей шкуре.

– Охотно верю. На следующей неделе у меня еще три экзамена.

– Бедняжка. Жизнь вечного студента куда тяжелее, чем жизнь человека, который сам зарабатывает себе на пропитание.

– Кто бы говорил! Ты учился дольше, чем я. Интересно, что скажут родители, когда узнают, что я хочу потратить еще пару лет на то, чтобы получить докторскую степень?

На кухне у Габи зажегся свет. Тревис отвлекся и ответил не сразу.

– Думаю, они не будут против. Ты же знаешь их.

– Да. Но в последнее время мне кажется, что они мечтают наконец увидеть свою дочь в кругу детей.

– Добро пожаловать в клуб, это ощущение не покидает меня уже много лет.

– В моем случае все иначе. Я женщина. Нам отпущено не так уж много времени.

Свет в соседнем доме погас; через несколько мгновений он зажегся в спальне. Тревис невольно задумался, чем сейчас занята Габи.

– Не забывай, мама вышла замуж в двадцать один год, – продолжала Стефани. – В двадцать три у нее уже родился ты. – Она подождала ответа, но брат молчал. – Хотя, если подумать, во что ты превратился… Веский аргумент, по-моему.

До Тревиса наконец дошло, и он нахмурился:

– Это оскорбление?

– Я честно попыталась, – ухмыльнулась Стефани. – Просто хотела проверить, слушаешь ты меня или думаешь о своей новой подружке.

– Она мне не подружка, – возразил он. Тревис понимал, что это звучит беспомощно, но ничего не мог поделать.

– Пока – нет, – согласилась Стефани. – Но у меня забавное предчувствие, что этого не долго ждать.

Глава 2

Габи не смогла бы определить, как она себя чувствует после ухода от Тревиса. Закрыв за собой дверь, она прислонилась к ней и попыталась обрести равновесие.

Может, не следовало туда ходить, подумала она. Толку все равно никакого. Он не только не извинился, но еще и принялся отрицать, что его пес виноват. Наконец, отлепившись от двери, Габи невольно улыбнулась. По крайней мере она это сделала. Постояла за себя и объяснила, каков ее взгляд на ситуацию. Потребовалось немало смелости, подумала Габи. Обычно ей с трудом удавалось выразить собственное мнение. Например, Кевину – по поводу того, что его планы на их совместное будущее не простираются дальше предстоящих выходных. Или доктору Мелтону – о том, что ей неприятно, когда он до нее дотрагивается. Или даже маме, у которой всегда особый взгляд на то, каким образом Габи должна улаживать свои дела.

Она перестала улыбаться, увидев спящую в уголке Молли. Беглого взгляда было достаточно, чтобы вспомнить: конечный результат не достигнут. Возможно, следовало постараться получше убедить соседа в том, что его долг – помочь ей. Вспоминая случившееся, Габи ощутила приступ замешательства. Она говорила бессвязно, но ведь ее сбили с ног и она растерялась, а потом от злости вообще утратила самообладание. Уж мама бы ни за что не упустила своего. Габи любила мать, но та принадлежала к числу женщин, у которых все под контролем. Это сводило Габи с ума; когда она была подростком, ей часто хотелось схватить мать за руки и потрясти, чтобы получить какую-нибудь естественную реакцию. Разумеется, она бы ждала напрасно. Мать спокойно позволила бы дочери трясти ее, а потом поправила бы прическу и произнесла с невыносимым хладнокровием: «Ну что ж, Габриэль, теперь ты успокоилась – может, побеседуем как приличные люди?»

Приличные люди. Габи не переносила этих слов. Когда мама так говорила, она неизменно чувствовала себя неудачницей. Габи казалось, что ей предстоит долгий путь к цели, и притом без единого указателя.

Разумеется, мама не могла себя переделать. Она была олицетворением всех южанок, носивших платья с оборками и танцевавших в присутствии сливок общества на рождественском балу в Саванне – одном из самых изысканных балов на Юге. Еще она занимала пост казначея женской организации в университете Джорджии (тоже семейная традиция) и во время учебы, судя по всему, придерживалась того мнения, что академические достижения куда менее важны, чем гордое звание «миссис». Она считала замужество единственным возможным выбором для приличной женщины. Разумеется, на другом конце уравнения должен был находиться «мистер». Желательно – богатый.

Например, как отец Габи. Преуспевающий застройщик и подрядчик, на двенадцать лет старше жены, пусть не Рокфеллер, но, несомненно, человек состоятельный. Порой Габи рассматривала свадебные фотографии родителей, на которых те стояли у входа в церковь, и гадала, каким образом столь непохожие люди могли полюбить друг друга. Мама предпочитала фазана в загородном клубе, а папа – печенье и мясо с подливкой в местной закусочной. Мама даже к почтовому ящику не выходила без макияжа, а папа всюду разгуливал в джинсах и слегка растрепанный. Но они действительно любили друг друга – в этом Габи не сомневалась. По утрам она порой заставала их в нежных объятиях и ни разу не слышала, чтобы родители ссорились. А еще они никогда не спали порознь, как родители многих ее подруг, более напоминавшие деловых партнеров, нежели любящих людей. Даже теперь, когда Габи навещала родителей, она нередко видела, как те сидят на кушетке обнявшись. Когда друзья удивлялись, Габи просто качала головой и признавала, что, как бы то ни было, отец и мать идеально подходят друг другу.

Габи в отличие от трех своих светловолосых сестер была больше похожа на отца, и это вызывало бесконечное разочарование у матери. Даже в детстве Габи предпочитала брюки пла-

тьям, обожала лазить по деревьям и возиться в грязи. То и дело она появлялась на строительной площадке, за спиной у отца, и повторяла его движения, когда он проверял шпингалеты на окнах, или заглядывала в коробки, только что доставленные со склада. Отец научил ее насаживать наживку и рыбачить. Девочке нравилось ездить с ним в старом трясучем фургоне со сломанным радио (он до сих пор не удосужился сменить машину). После работы они играли в салки или в баскетбол, пока мама наблюдала за ними через кухонное окно, и на ее лице отражалось не только неодобрение, но и удивление. Чаще всего сестры тоже стояли рядом и смотрели разинув рты.

Хотя Габи любила говорить о своей независимости, на самом деле она колебалась, выбирая между отцовским и материнским взглядами на мир, – преимущественно потому, что мать была настоящим профессионалом по части манипуляций. В отрочестве Габи уступала материнским настояниям в том, что касалось одежды и «приличного поведения» – просто чтобы не чувствовать себя виноватой. Из всего маминого арсенала умение изобразить обиду, вызвать чувство вины было самым эффективным. И мать всегда знала, как использовать это оружие. Приподнятая бровь, тонкий намек – и в итоге Габи отправлялась в школу танцев или на уроки этикета. Она послушно выучилась играть на фортепиано и была официально представлена обществу на рождественском балу в Саванне. В тот вечер мать была горда ею, судя по выражению лица, а Габи чувствовала себя человеком, который наконец готов принимать решения самостоятельно, пусть даже рискуя вызвать неодобрение. Разумеется, ей хотелось когда-нибудь по примеру матери выйти замуж и родить детей, но еще Габи мечтала о карьере – как у папы. Она хотела стать врачом.

Мама повела себя вполне корректно, когда выяснила это. По крайней мере сначала. А потом началось планомерное давление. Когда Габи сдавала экзамены в колледж, мама хмурилась и вслух размышляла, можно ли работать и одновременно быть полноценной женой и матерью.

– Впрочем, если работа для тебя важнее семьи, тогда пожалуйста – становись врачом, – приговаривала она.

Габи пыталась сопротивляться, но в конце концов старые привычки взяли верх, и она поступила в фельдшерскую школу вместо медицинского колледжа. Причины были просты: она получит право принимать пациентов, но при этом у нее будет более или менее фиксированный рабочий день и ее не вызовут из дому в неподходящий момент. Куда более приемлемый вариант. И все же Габи порой тревожило то, что мать вложила ей в голову свои идеи.

Но она не в силах была отрицать, что семья для нее важна. Таков результат, когда ты – плод счастливого союза. Ты растешь, думая, что чудеса и в самом деле случаются, а главное – считаешь, что они непременно выпадут и на твою долю. Тем не менее до сих пор все шло не так, как хотелось бы. Они с Кевином встречались достаточно долго, чтобы влюбиться, пережить обычные взлеты и падения, которые разрушают большинство союзов, и даже задуматься о будущем. Габи уже решила, что Кевин – тот человек, с которым она хочет провести всю жизнь.

Девушка нахмурилась, вспомнив их недавнюю ссору. Как будто ощутив беспокойство хозяйки, Молли с трудом поднялась на ноги, подошла и ткнулась носом в ладонь Габи. Та погладила собаку, зарывшись пальцами в мягкую шерсть.

– Наверное, это просто стресс, – произнесла Габи. Отчего она не может жить как Молли? Легко, без забот и тревог… ну, не считая беременности. – Как ты думаешь, у меня стресс?

Молли не ответила, но Габи и так знала, что у нее стресс. Она чувствовала это, когда платила по счетам, или когда на нее смотрел доктор Мелтон, или когда Кевин разыгрывал дурачка, едва она пыталась чего-то требовать. Вдобавок, не считая Кевина, у нее здесь не было друзей. Габи ни с кем не сошлась за пределами клиники, и, по правде говоря, Тревис был первым, с кем она заговорила со времени переезда. Подумав, Габи признала, что могла бы быть и полюбезнее. Ее охватило раскаяние из-за того, что она так раскричалась, ведь Тревис, похоже,

действительно дружелюбный человек. Когда он помог ей встать, то сделал это по-дружески. А когда она начала изливать душу, ни разу не перебил, что тоже было приятно.

Задумавшись, Габи сочла это и вовсе поразительным. Она вела себя как сумасшедшая, но Тревис не рассердился и не прикрикнул на нее, как сделал бы Кевин. Габи вспомнила, как бережно Тревис помог ей подняться, и покраснела. Вдобавок она поймала взгляд, ясно говоривший о том, что она понравилась соседу. Прошло уже много времени с тех пор, как в последний раз случилось нечто подобное. Хотя Габи не хотелось этого признавать, ей стало приятно. Она скучала по мужскому вниманию. Удивительно, сколь благотворна может быть маленькая искренняя ссора.

Габи вошла в спальню и переоделась в теплую старенькую пижаму, которую носила еще на первом курсе колледжа. Молли плелась следом; Габи сообразила, что ей нужно, и повернулась к двери.

– Готова? – спросила она.

Молли завиляла хвостом и направилась к выходу. Габи пристально взглянула на собаку. Колли по-прежнему казалась беременной, но, может быть, Тревис прав? Нужно было показать Молли ветеринару, просто чтобы удостовериться. И потом, Габи понятия не имела, как ухаживать за беременной собакой. Она задумалась, нужны ли Молли витамины, и вспомнила, что некогда сама собиралась вести здоровый образ жизни. Лучше питаться, делать зарядку, больше спать, чаще гулять. Она планировала заняться собой сразу же после переезда. Своего рода попытка начать с чистого листа, которая, в общем, так и не осуществилась. Завтра она обязательно отправится на пробежку, съест на завтрак один салат и другой – на обед. И как только Габи будет готова к серьезным жизненным переменам, она откровенно спросит Кевина, каковы его планы на будущее.

Хотя… может быть, это не такая уж хорошая идея. Спорить с соседом – одно дело, но действительно ли она готова принять последствия, если ответ Кевина ей не понравится? А вдруг у него нет никаких планов? Захочет ли она уходить из клиники, где проработала всего пару месяцев, и продавать дом? Захочет ли уезжать? И куда?

Габи знала лишь, что не хочет терять Кевина. Но вести чуть более здоровый образ жизни – это ей определенно под силу. Не нужно торопиться. Окончательно решившись, она вышла на веранду и принялась наблюдать за тем, как Молли трусит по ступенькам и направляется в дальний конец двора. Было тепло, но поднялся легкий ветерок. На небе в замысловатом порядке расположились звезды. Габи никогда не могла распознать ни одно созвездие, кроме Большой Медведицы, поэтому решила, что завтра, сразу же после ленча, купит учебник по астрономии. Она проведет несколько дней, штудируя азы, потом пригласит Кевина провести романтический вечер на пляже, покажет на небо и с бесстрастным видом скажет что-нибудь впечатляющее. Габи закрыла глаза, воображая себе эту сцену, и выпрямилась. С завтрашнего дня она станет другим человеком. И поймет, как быть с Молли. Даже если ей придется умолять, она пристроит всех щенков.

Но для начала отведет ее к ветеринару.

Глава 3

Сегодня выдался один из тех дней, когда Габи удивлялась, с какой стати она вообще решила работать в детской клинике. В конце концов, была возможность устроиться в кардиологическое отделение в больнице, и она мечтала об этом все время, пока училась в фельдшерской школе. Габи нравилось ассистировать при сложных операциях, она считала, что буквально создана для этой работы… до тех пор, пока не встретила на практике педиатра, который внушил студентке, что заботиться о детях благородно и интересно. Доктор Бендер, седовласый ветеран, который постоянно улыбался и знал всех городских малышей, убедил Габи, что кардиология, конечно, лучше оплачивается и кажется престижнее, зато нет ничего приятнее, чем держать на руках новорожденных и следить за тем, как они развиваются в первые, самые важные, годы жизни. Обычно Габи лишь послушно кивала, но в последний день практики он таки всучил ей младенца. Ребенок гулил, а доктор Бендер внушал: «В кардиологии все происходит очень быстро. Пациенту как будто становится хуже и хуже вне зависимости от твоих действий. Со временем это начинает утомлять. Ты можешь быстро сгореть, если не будешь беречься. Но заботиться о таком вот малыше… – Он помолчал и указал на ребенка: – Это высшее призвание на свете».

Несмотря на то что Габи предлагали место в кардиологическом отделении в ее родном городе, она предпочла работать с доктором Фурманом и доктором Мелтоном в Бофоре. Фурман оказался поразительно рассеянным, а Мелтон не в меру игривым, но Габи уцепилась за возможность быть ближе к Кевину. И в глубине души она верила, что доктор Бендер прав. Прав насчет детей. По большей части ей нравилось лечить малышей, даже когда приходилось делать им уколы и пациенты визжали так, что Габи вздрагивала. Дети постарше тоже были ничего. Почти все они мило и бесхитростно смотрели на нее, прижимая к себе одеяльце или плюшевого медвежонка. Зато ее сводили с ума родители. Доктор Бендер забыл упомянуть одну важную вещь: кардиолог имеет дело с пациентом, который пришел в больницу, потому что ему это необходимо. Пациент педиатра обычно находится под опекой взвинченного и всезнающего родителя. Ева Бронсон была именно из таких.

Ева, сидевшая в смотровой с маленьким Джорджем на коленях, исподлобья взглянула на Габи. Поскольку та не являлась врачом и была довольно молода, большинство родителей относились к ней как к обыкновенной медсестре.

– Вы уверены, что доктор Фурман не может нас принять? – Ева подчеркнула слово «доктор».

– Он в больнице, – ответила Габи. – Приедет позже. Кроме того, я абсолютно уверена, что он со мной согласится. Ваш сын в полном порядке.

– Но он по-прежнему кашляет.

– Как я уже сказала, кашель у ребенка может продолжаться в течение полутора месяцев после простуды. Детским легким нужно больше времени, чтобы восстановиться. Для его возраста это вполне нормально.

– Значит, вы не пропишете ему антибиотик?

– Нет. Антибиотики Джорджу не нужны. Ушки чистые, носовые пазухи тоже, признаков бронхита нет, температура в норме. Он выглядит абсолютно здоровым.

Джордж, которому недавно исполнилось два года, извивался на коленях у матери, пытаясь освободиться. Ева ухватила его покрепче.

– Ну, раз уж доктора Фурмана здесь нет, может быть, доктор Мелтон его посмотрит? Я уверена, что Джорджу нужен антибиотик. Половина детей в саду сейчас сидят на антибиотиках.

Габи сделала вид, что записывает. Ева Бронсон всегда настаивала на том, чтобы Джордж принимал антибиотики. Она буквально была помешана на них.

– Если у мальчика поднимется температура, приезжайте, и я еще раз его посмотрю.

– Я не хочу привозить Джорджа снова. Поэтому и привезла его сегодня. Полагаю, его должен осмотреть врач.

Габи изо всех сил старалась говорить спокойно:

– Хорошо, я сейчас узнаю, сможет ли доктор Мелтон выкроить для вас пару минут.

Выйдя из смотровой, Габи помедлила в коридоре. Ей нужно было подготовиться. Она не хотела разговаривать с доктором Мелтоном, вообще все утро старалась не встречаться с ним. Едва доктор Фурман уехал, чтобы присутствовать на экстренном кесаревом сечении в больнице, доктор Мелтон подошел к девушке – так близко, что Габи ощутила запах полоскателя.

– Судя по всему, сегодня утром мы предоставлены сами себе, – сказал он.

– Может быть, дел будет не так уж много, – бесстрастно ответила Габи. Она не была готова дать ему отпор – по крайней мере в отсутствие доктора Фурмана.

– По понедельникам всегда полно дел. Надеюсь, не придется работать во время ленча.

Доктор Мелтон потянулся за папкой, которая лежала на столе. Быстро просмотрев бумаги, он спросил, когда Габи уже собиралась уходить:

– К слову о ленче – вы когда-нибудь пробовали тако[3] с рыбой?

– Что? – не поняла Габи.

– В Морхед-Сити, неподалеку от пляжа, есть отличное кафе. Мы могли бы туда заскочить. Ну и заодно привезти еды для персонала.

Хотя доктор Мелтон делал вид, что его интерес чисто профессиональный – тем же тоном он разговаривал с доктором Фурманом, – Габи почувствовала отвращение.

– Я не могу, – отказалась она. – Нужно отвезти Молли к ветеринару. Мы договорились на сегодня.

– И вы успеете обернуться туда и обратно?

– Думаю, да.

Доктор Мелтон помолчал.

– Ладно, – сказал он. – Может быть, в другой раз.

Габи потянулась за папкой и поморщилась.

– Вы в порядке? – спросил доктор Мелтон.

– Занималась в спортзале и немного перестаралась, – объяснила она и вышла.

Честно говоря, ей было очень больно. До смешного. Ныло все тело от шеи до лодыжек, причем сильнее и сильнее. Если бы в воскресенье Габи просто отправилась на пробежку, то, возможно, сейчас была бы в норме. Но пробежки показалось мало. Слишком мало для той, кто решила начать новую жизнь. После пробежки, гордая тем, что ни разу не перешла на шаг, она отправилась в Морхед-Сити, чтобы записаться в спортзал. Тренер принялся перечислять различные секции с замысловатыми названиями. Когда Габи собиралась уходить, он упомянул, что очередное занятие начнется буквально через две минуты.

– Потрясающая методика, – сказал он. – Воздействует на все группы мышц. Получите заряд сил и бодрости за одно занятие. Непременно попробуйте.

И Габи попробовала… Пусть бог простит тренера за то, как она теперь себя чувствует.

Ей стало плохо не сразу, конечно. Во время занятия она была в норме. В глубине души Габи понимала, что нужно сбавить скорость, но тем не менее пыталась не отставать от полуобнаженных, подтянутых, умело подкрашенных женщин рядом с ней. Она поднимала тяжести, бежала на месте, снова поднимала тяжести, опять бежала, и так снова и снова. Когда Габи покидала спортзал на подгибающихся ногах, то чувствовала, что миновала очередную ступень

[3] Т а к о – мексиканский пирожок из кукурузной лепешки с начинкой из рубленого мяса, томатов, сыра, салатных листьев и острого соуса.

эволюции. По пути она заказала себе протеиновый коктейль – чтобы превращение было полным.

По дороге домой Габи заскочила в книжный магазин и купила учебник по астрономии. Вечером, засыпая, она поняла, что настроена оптимистичнее, чем когда бы то ни было, не считая того, что мускулы как будто наливались свинцом.

К сожалению, оптимистично настроенная Габи поутру обнаружила, что не может встать с кровати. Болело все. Точнее, «боль» – не то слово. Это скорее напоминало пытку. Каждую мышцу словно пропустили через мясорубку. Спина, грудь, живот, ноги, ягодицы, руки, шея… болели даже пальцы. Габи села лишь с третьей попытки, потом проковыляла в ванную и поняла, что требуется максимум самообладания, чтобы почистить зубы, не взвизгивая при этом. Открыв аптечку, девушка решила принять все, что можно, – тайленол, аспирин и так далее. Она запила таблетки стаканом воды, проглотила и вздрогнула.

Габи признала, что это перебор.

Но сейчас было слишком поздно – а главное, болеутоляющее не помогло! А может быть, наоборот – ведь она, в конце концов, могла перемещаться по клинике, пусть даже черепашьим шагом. Но боль никуда не делась, доктор Фурман уехал, и меньше всего Габи хотелось общаться с доктором Мелтоном по поводу абсолютно здорового малыша Джорджа.

Не имея особого выбора, она узнала у одной из сестер, где доктор, постучала и заглянула в кабинет. Мелтон посмотрел на нее поверх головы пациента, и его лицо немедленно оживилось.

– Простите, что вмешиваюсь, – сказала Габи. – Можно вас на пару слов?

– Конечно, – сказал доктор Мелтон. Он встал, оставив папку на столе, и вышел. – Вы передумали насчет ленча?

Покачав головой, она рассказала ему про Еву Бронсон и Джорджа. Он пообещал, что примет их, как только сможет. Ковыляя по коридору, Габи долго чувствовала на себе его взгляд.

В половине первого Габи приняла последнего пациента. Взяв сумочку и помня о том, что у нее не так уж много времени, она побрела к машине. Следующий пациент должен был появиться через сорок пять минут, но Габи рассчитывала успеть, поскольку ей не обязательно было оставаться у ветеринара вместе с Молли. Один из плюсов жизни в маленьком городе с четырьмя тысячами жителей в том, что все находится в нескольких минутах езды. Чтобы попасть в Морхед-Сити – город в пять раз больше Бофора, – требовалось всего лишь перебраться через мост (и большинство бофорцев именно там делали покупки в выходные), но этого расстояния было достаточно, чтобы считать Морхед-Сити таким же далеким и изолированным, как города «там, на востоке».

Бофор – милое местечко, особенно исторический центр. Когда стояла подходящая для пеших прогулок погода, городок напоминал Саванну в первый век существования.

Широкие аллеи, тенистые деревья, больше сотни отреставрированных домов, главная улица и дощатая набережная с видом на гавань. У причалов теснились прогулочные и рыбачьи лодки всех форм и размеров, роскошная яхта ценой в миллионы швартовалась бок о бок с крошечным яликом и изящной парусной шлюпкой. На набережной было несколько ресторанов, откуда открывался прекрасный вид. Это были старые, типично южные заведения, с крытыми внутренними двориками и столами для пикников, отчего клиенты чувствовали себя путешественниками во времени. Порой по выходным в ресторанах играл оркестр, а прошлым летом, на Четвертое июля, когда Габи навещала Кевина, столько народу сошлось послушать музыку и посмотреть фейерверк, что гавань была буквально забита лодками. Поскольку причалов на всех не хватало, лодки просто привязывали одна к другой, и владельцы перебирались с борта на борт до берега, по пути охотно разделяя с соседями выпивку.

На противоположной стороне улицы были разнообразные офисы вперемежку с туристическими забегаловками и художественными салонами. По вечерам Габи любила бродить и рас-

сматривать картины. В юности она мечтала стать художником; прошли годы, прежде чем она поняла, что ее амбиции далеко превосходят талант. Но при этом Габи вполне могла оценить хорошую работу. Две картины она даже купила, и они теперь висели у нее дома. Девушка рассчитывала приобрести еще несколько, в дополнение, но доходы не позволяли – по крайней мере пока.

Габи вкатила на подъездную дорожку, слегка охнула, выбираясь из машины, а потом храбро зашагала к двери. Молли встретила ее на крыльце и не спеша обнюхала цветочную клумбу, прежде чем запрыгнуть на пассажирское сиденье. Габи еще раз охнула, когда садилась в машину, потом опустила окно, чтобы Молли, по своему обыкновению, могла высунуть голову.

Ветеринарная клиника находилась всего в паре минут езды; Габи въехала на парковку, прислушиваясь к скрежету гравия под колесами. Здание клиники – викторианской постройки, приземистое, потрепанное – больше напоминало жилой дом, чем учреждение. Габи пристегнула поводок, бросила взгляд на часы и помолилась, чтобы ветеринар не медлил.

Дверь отворилась с громким скрипом, и Молли натянула поводок, ощутив типичный запах ветеринарной клиники. Габи подошла к столику секретарши, но, прежде чем она успела заговорить, та встала и спросила:

– Это Молли?

Габи не стала скрывать удивления. Она по-прежнему не могла привыкнуть к жизни в маленьком городе.

– Да. Я Габи Холланд.

– Приятно познакомиться. А я Терри. Прекрасная собака.

– Спасибо.

– А мы гадали, когда же вы приедете. Вам ведь нужно успеть на работу, если я не ошибаюсь. Пройдемте в кабинет. Можете заполнить все бумаги там. Сюда, пожалуйста. Врач сейчас вас примет. Долго ждать не придется, он уже почти освободился.

– Отлично, – улыбнулась Габи. – Я очень признательна.

Секретарша провела ее в смежную комнату. Там стояли весы, и она помогла Молли забраться на них.

– Не стоит благодарности. Кроме того, я все время привожу к вам детей. Как вам нравится работать в Бофоре?

– Очень нравится, – ответила Габи. – Хотя дел куда больше, чем я думала.

Терри записала вес Молли и повела ее и Габи дальше по коридору.

– Обожаю доктора Мелтона. Он так внимателен к моему сыну.

– Я ему передам, – пообещала Габи.

Терри вошла в маленькую комнату, в которой стояли металлический стол и пластиковый стул, и передала Габи бумаги:

– Заполните анкету, а я пока скажу доктору, что вы здесь.

Терри оставила хозяйку наедине с Молли; Габи осторожно села и поморщилась, потому что мускулы немедленно запросили пощады. Она несколько раз глубоко вздохнула, подождала, пока утихнет боль, а затем принялась заполнять бумаги. Молли бродила по комнате.

Примерно через минуту открылась дверь, и первое, что заметила Габи, – белый халат. А затем – фамилию, вышитую синими буквами. Габи собиралась заговорить, но внезапно потеряла дар речи.

– Здравствуйте, Габи, – сказал Тревис. – Как поживаете?

Габи уставилась на него, гадая, что он тут делает. Она уже намеревалась что-то сказать, когда вдруг поняла, что глаза у Тревиса синие. А она думала, что карие. Странно. И все же…

– Полагаю, это Молли, – произнес он, прервав ее мысли. – Привет, малышка… – Тревис присел на корточки и погладил собаку. – Нравится? О, да ты красавица. Как дела, детка?

Звуки его голоса вернули Габи к реальности; она вспомнила их минувшую ссору.

– Вы… вы ветеринар? – пробормотала она.

Тревис кивнул, продолжая чесать Молли за ухом.

– Унаследовал отцовскую профессию. Он открыл эту клинику, а я работаю здесь с тех пор, как закончил колледж.

Не может быть. Из всех возможных вариантов ветеринаром оказался именно Тревис. Господи, почему этому дню не суждено было стать самым обычным и заурядным?

– Почему вы ничего не сказали тогда, вечером?

– Я сказал. Посоветовал показать Молли ветеринару, если помните.

Габи прищурилась. Этому человеку, кажется, нравилось ее злить.

– Вы ведь понимаете, что я имею в виду.

Тревис взглянул на нее снизу вверх:

– То есть почему я не сказал, что я и есть ветеринар? Я пытался, но вы не позволили мне объяснить.

– Вам, во всяком случае, следовало предупредить…

– Сомневаюсь, что вы были в настроении меня выслушивать. Но это все пустяки, право же. Я не сержусь. – Он улыбнулся. – Давайте посмотрим вашу крошку, ладно? Я помню, что вам нужно вернуться на работу, поэтому постараюсь побыстрее.

Габи почувствовала, как при этих словах – «я не сержусь» – в ней вновь закипает гнев. Захотелось уйти немедленно. К сожалению, Тревис уже начал щупать живот Молли. И потом, подумала Габи, она вряд ли сможет встать быстро, даже если попытается, потому что ноги у нее словно парализовало. Раздосадованная, она скрестила руки на груди – от этого движения как будто воткнули нож в спину, – а Тревис тем временем достал стетоскоп. Габи прикусила губу. Слава богу, удалось подавить стон.

Тревис взглянул на нее:

– Вы нормально себя чувствуете?

– Да.

– Точно? По-моему, вам больно.

– Все в порядке, – повторила она.

Пропустив ее тон мимо ушей, Тревис сосредоточился на собаке. Он перемещал стетоскоп и слушал, потом исследовал один из сосков, затем с щелчком натянул резиновую перчатку и быстро произвел внутренний осмотр.

– Да, она, несомненно, беременна, – заключил он, снимая перчатку и бросая в корзину. – Судя по всему, примерный срок – семь недель.

– Я же вам сказала. – Габи гневно взглянула на соседа. Она с трудом удержалась, чтобы не напомнить о Моби.

Тревис встал и убрал стетоскоп в карман, потом взял бумаги и перевернул страницу.

– И кстати, могу официально заявить, что Моби тут ни при чем.

– Ах так?

– Да. Скорее всего виноват лабрадор, которого я как-то видел поблизости. Кажется, он принадлежит старику Кейсону, хоть я и не уверен. Может быть, это собака его сына. Насколько я знаю, парень вернулся в город.

– Почему вы так убеждены, что это не Моби?

Тревис принялся делать пометки; Габи показалось, что он не расслышал вопроса.

Он пожал плечами:

– Ну, хотя бы потому, что Моби кастрирован…

Бывают минуты, когда мозг перегружен настолько, что слова становятся непонятны. Габи мгновенно вспомнила свое маловразумительное бормотание, слезы и внезапную вспышку яро-

сти. У нее и впрямь сохранилось смутное воспоминание о том, как Тревис пытался что-то объяснить. Она не знала куда деваться от стыда.

– Кастрирован? – прошептала она.

– Ну да. – Он взглянул на нее поверх бумаг. – Два года назад. Здесь, в этом кабинете.

– О…

– Я пытался вам сказать. Но вы ушли раньше… Мне было неловко… В воскресенье я хотел зайти и объясниться, но не застал вас.

Габи ляпнула первое, что пришло в голову:

– Я была в спортзале.

– Да? Отличная идея.

Габи с усилием разъединила руки.

– Полагаю, я должна извиниться.

– Я не сержусь, – повторил он, и Габи почувствовала себя еще хуже. – Послушайте, я знаю, вы спешите, поэтому давайте поговорим насчет Молли, хорошо?

Она кивнула, ощущая себя девочкой, которую учитель поставил в угол, и по-прежнему думая о своей субботней тираде. То, что Тревис вел себя так приветливо, было невыносимо.

– Период беременности продолжается девять недель, значит, осталось еще две. Таз довольно широкий, так что не беспокойтесь. Поэтому я и просил ее привезти. У колли иногда бывает узкий таз. Вам не нужно ничего делать, помните лишь о том, что скорее всего собака ощенится в каком-нибудь темном и прохладном месте, поэтому постелите в гараже старые одеяла. Насколько я помню, попасть в гараж можно с кухни?

Габи снова кивнула и почувствовала себя маленькой-маленькой.

– Просто оставьте дверь открытой, и она начнет туда наведываться. Так сказать, готовить гнездо. Это абсолютно нормально. Обычно щенки появляются в какое-нибудь тихое время суток. Ночью или когда вы будете на работе. Помните, что все это совершенно естественно и беспокоиться не о чем. Малыши сразу же примутся сосать, на этот счет тоже не волнуйтесь. Думаю, одеяла придется выбросить, так что не стелите в гараже ничего особо ценного.

Она кивнула в третий раз, почувствовав себя еще меньше.

– Больше вам ничего не нужно делать. Если вдруг возникнут проблемы, привезите Молли в клинику. Если что-то случится в нерабочее время – вы знаете, где я живу.

Габи откашлялась.

– Хорошо.

Тревис, не дождавшись продолжения, улыбнулся и шагнул к двери.

– Все. Можете везти ее домой. Я рад, что вы решили приехать. На инфекцию было не похоже, но все-таки хорошо, что я проверил.

– Спасибо, – промямлила Габи. – Мне очень жаль…

Он вскинул руку:

– Никаких проблем. Честное слово. Вы расстроились. А Моби в самом деле бегает где вздумается. Всякий мог ошибиться. Увидимся.

Когда он в последний раз потрепал Молли по загривку, Габи казалась самой себе шести дюймов росту.

Как только Тревис – доктор Паркер – вышел из смотровой, Габи долго ждала, чтобы удостовериться, что он достаточно далеко. Затем с трудом поднялась со стула и выглянула в коридор. Убедившись, что горизонт чист, Габи отправилась в регистратуру и расплатилась по счету.

Она знала наверняка лишь одно: пусть Тревис и готов ее простить, но она-то никоим образом не сумеет забыть то, что сделала. А поскольку поблизости нет достаточно большой скалы, под которую она могла бы забиться, лучше всего некоторое время избегать соседа. Не всю жизнь, конечно. Какой-нибудь разумный срок. Лет пятьдесят, например.

Глава 4

Тревис Паркер стоял у окна, наблюдая, как Габи ведет Молли к машине. Он изучал выражение ее лица и улыбался. Хотя он едва знал Габи, но увидел достаточно для того, чтобы понять: она из тех, чьи лица – зеркало души. Редкое качество в наши дни. Тревис нередко ощущал, что слишком многие люди всю жизнь притворяются, носят маски и в итоге теряют собственное «я». Он был уверен, что Габи никогда не станет такой.

Достав ключи из кармана, доктор Паркер направился к машине с обещанием, что вернется через полчаса. Он прихватил переносной холодильник, в котором каждое утро привозил свой ленч, и поехал на излюбленное место. Год назад он купил участок в конце главной улицы, с видом на Шеклфорд-Бэнкс, намереваясь в один прекрасный день возвести здесь дом своей мечты. Единственная проблема заключалась в том, что Тревис понятия не имел, чем это закончится. По большей части он вел простую жизнь и мечтал построить маленький деревенский домик вроде тех, что стоят на островах Флорида-Кис, на первый взгляд – столетней давности, но на удивление светлые и просторные внутри. Много места ему не нужно – спальня и, возможно, кабинет, но как только Тревис брался за дело, то понимал, что этот участок больше подходит для того, чтобы построить нечто пригодное для приема друзей и родных. Образ дома становился расплывчатым, поскольку в этом случае, несомненно, предполагалось наличие жены и детей – а ни того, ни другого Тревис еще даже не пытался себе вообразить.

Иногда образ жизни, который они с сестрой избрали для себя, удивлял Тревиса, поскольку Стефани тоже не торопилась замуж. Их родители прожили в браке почти тридцать пять лет, и Тревис не представлял отца с матерью порознь – с тем же успехом он мог представить себя парящим в облаках. Разумеется, он слышал о том, как они познакомились, когда учились в старшей школе и вместе отправились в туристический поход; о том, как мама поранила палец, когда резала пирог, как папа, за неимением бинта, зажал рану рукой, чтобы остановить кровь. Одно прикосновение – и «фокус-покус», как выражался папа. «Я понял, что она создана для меня».

С Тревисом до сих пор ничего похожего на «фокус-покус» не произошло. Абсолютно ничего подобного не было. Разумеется, в старшей школе у него появилась подружка Оливия, окружающие считали, что они идеально подходят друг другу. Она жила через мост, в Морхед-Сити, и Тревис то и дело встречал ее в супермаркете. Они болтали минуту о пустяках, а затем дружески расставались и шли своей дорогой.

После Оливии были бесчисленные приятельницы. В конце концов, Тревис не был таким уж бесчувственным, когда дело касалось женщин. Он считал их интересными и привлекательными, а главное – искренне любил. Он гордился тем, что ни один из его романов не завершился разрывом, который причинил бы боль какой-нибудь из сторон. Расставания были удобны для обоих – чувства тлели, как отсыревший бикфордов шнур, но до взрыва не доходило. Тревис сохранял дружеские отношения с большинством своих бывших подруг – включая последнюю из них, Монику, и полагал, что те относятся к нему точно так же. Просто они не подходили друг другу. Три его бывшие девушки замечательно вышли замуж, и все три пригласили Тревиса на свадьбу. Он редко задумывался о том, чтобы наконец остепениться, – а если и задумывался, то в итоге представлял себе женщину, которая разделит с ним его увлечения. Нужно радоваться жизни. Конечно, у всех есть свои обязанности, и он отнюдь не возражает. Ему нравится быть ветеринаром, он неплохо зарабатывает, имеет собственный дом и вовремя платит по счетам, но жизнь не должна состоять только из этого. Тревис хотел испытать как можно больше. Нет, не так. Он просто обязан был испытать как можно больше.

Он жил так с тех пор, как помнил себя. Тревис был собранным и организованным, когда речь шла о школе, и получал хорошие оценки при минимуме усилий, но, как правило, радо-

вался четверкам не меньше, чем пятеркам. Мать невероятно сердилась. «Только представь, как хорошо ты бы мог учиться, если бы постарался!» – твердила она каждый раз, когда получала табель. Но школа доставляла Тревису куда меньше удовольствия, чем головокружительная езда на велосипеде или серфинг. Если прочие дети, говоря о спорте, подразумевали бейсбол или футбол, то Тревис мечтал взмыть на мотоцикле в воздух и пережить несколько секунд полета, а потом благополучно приземлиться и ощутить взрыв энергии. Он был поклонником экстремальных видов спорта еще до того, как они официально вошли в обиход, и теперь, к тридцати двум годам, перепробовал их все.

Издалека Тревису были видны стада мустангов на дюнах Шеклфорд-Бэнкс; наблюдая за ними, он потянулся к сандвичу. Пшеничный хлеб, индюшка с горчицей, яблоко, бутылка воды – его привычный ленч. На завтрак он неизменно ел овсянку, яичницу из белков и банан. Как бы Тревис ни стремился повысить уровень адреналина, диету он соблюдал неуклонно. Друзья удивлялись. Тревис не спешил объяснять им, что дело не в дисциплине, а в сверхчувствительном нёбе. В десять лет он съел тарелку тайской лапши, густо приправленной имбирем, и его рвало до утра. С тех пор малейший привкус имбиря вызывал у него тошноту, а вкусовые ощущения так полностью и не восстановились. Тревис стал осторожнее в отношении еды, он предпочитал простые, незамысловатые блюда всякой экзотике. Постепенно, с возрастом, он исключил из своего рациона все лишнее, а теперь, двадцать лет спустя, просто боялся что-либо менять.

Наслаждаясь простым, незамысловатым сандвичем, Тревис удивлялся собственным мыслям. Обычно он не испытывал склонности к глубоким размышлениям. (Еще одна причина неизбежного охлаждения, как утверждала Мария – девушка, с которой он расстался шесть лет назад.) Обычно Тревис просто жил – делал то, что было необходимо, а остальное время старался проводить в свое удовольствие. Вот одно из главных преимуществ холостой жизни: можно заниматься чем вздумается и когда вздумается. Самоанализ – лишь один из вариантов.

Это должна быть Габи, подумал Тревис, хотя не понимал почему. Он едва знал ее и сомневался, что ему когда-нибудь выпадет шанс узнать настоящую Габи Холланд. Тем вечером Тревис видел сердитую Габи, а недавно – Габи Воплощенное Раскаяние, но при этом он понятия не имел, как эта девушка ведет себя в обычных обстоятельствах. Не исключено, что у нее хорошее чувство юмора, хотя бог весть отчего он так решил. Еще Габи, несомненно, умна (Тревис сделал этот вывод на основании ее работы). Но он безуспешно попытался представить ее на свидании. И все-таки Тревис был рад, что она приехала, пусть всего лишь затем, чтобы предоставить им обоим шанс завязать добрососедские отношения. Он прекрасно знал, что плохой сосед может испортить человеку жизнь. По соседству с Джо жил парень, который в первый же погожий весенний день принимался жечь сухую листву, а по субботам с раннего утра стриг газон; у них несколько раз чуть не доходило до потасовки по поводу плачущих по ночам младенцев. Правила общежития, казалось Тревису, восходят еще к доисторическим временам, и меньше всего ему хотелось, чтобы Габи начала его избегать. Может быть, он пригласит ее в гости, когда у него в следующий раз соберется компания…

Да, решил Тревис. Он так и сделает. Забрал сумку-холодильник и зашагал к машине. После ленча ему предстояло, как обычно, принимать собак и кошек, а в три часа кто-то собирался принести геккона. Тревис любил возиться с экзотическими животными, он действительно разбирался в них, и это неизменно впечатляло владельцев. Ему нравилось выражение почтительности на их лицах, гласившее: «Потрясающе, он знает анатомию и физиологию буквально каждого живого существа на свете!» Тревис делал вид, что так оно и есть. Но правда была куда более прозаичной. Разумеется, он не всеведущ, просто болезнь есть болезнь, и ее лечат, как правило, вне зависимости от класса или вида, варьируются только дозы лекарства, и за этим доктору Паркеру приходилось обращаться к справочнику, неизменно лежащему на столе.

Садясь в машину, он снова подумал о Габи. Интересно, занимается ли она серфингом или сноубордингом? Вряд ли – но в то же время Тревис ощутил нечто особенное. Ему показалось, что Габи в отличие от большинства его бывших подруг не откажется испробовать то или другое, если представится возможность. Он понятия не имел, почему так решил. Тревис включил мотор и попытался отогнать странную мысль, изо всех сил убеждая себя, что это не важно. Хотя чувствовал он совершенно обратное.

Глава 5

В течение следующих двух недель Габи стала настоящим специалистом по маскировке, по крайней мере в пределах собственного двора.

У нее не было выбора. Что она могла сказать Тревису? Выставила себя дурой, а он еще усугубил проблему, охотно простив ей все. Ее единственным оправданием – и единственным позитивным моментом во всем этом приключении – было то, что Габи извинилась в клинике.

Впрочем, следовать новому распорядку оказалось нелегко. Поначалу нужно было лишь оставлять машину в гараже, но у Молли приближались роды, и Габи пришлось парковаться на дорожке, чтобы собака могла освоиться в своем уголке. Это значило, что впредь ей предстоит приезжать и уезжать в те часы, когда соседа точно нет дома.

Габи сократила пятидесятилетний срок, решив, что пары месяцев или, возможно, полугода будет достаточно, чтобы из памяти Тревиса исчезло – или почти исчезло – воспоминание о том, как она себя вела. Габи знала, что у времени есть свойство сглаживать острые углы, пока не останется лишь смутный облик. И тогда она смогла бы вернуться к нормальной жизни. Начала бы с мелочей – помашет соседу рукой, когда будет выходить из машины, и так далее. Может быть, однажды они с Тревисом даже улыбнутся друг другу при встрече – а до тех пор она предпочитала вести жизнь тайного агента.

Габи изучила рабочее расписание Тревиса. Нужно было всего лишь быстро взглянуть на часы, когда он собирался на работу поутру, а она наблюдала за ним с кухни. Возвращаться домой оказалось еще проще: когда Габи приезжала, он обычно был на реке, с катером или скутером, но, с другой стороны, теперь вечера стали проблемой. Поскольку Тревис околачивался на улице, девушке приходилось сидеть дома, вне зависимости от того, насколько прекрасен был закат. Если она не ехала в Морхед-Сити, то в итоге усаживалась за учебник по астрономии, который некогда купила в надежде поразить Кевина. К сожалению, с тех пор им еще ни разу не довелось вместе посмотреть на звезды.

Габи убеждала себя, что нужно отнестись к ситуации по-взрослому, но у нее было ощущение, что при встрече с Тревисом она будет не слушать, а вспоминать. Меньше всего ей хотелось усугубить произведенное впечатление. Кроме того, Габи было о чем подумать.

Например, о Кевине. По вечерам, как правило, он заезжал ненадолго, а однажды даже остался на выходные – разумеется, после гольфа. Кевин обожал гольф. Еще они трижды ходили в ресторан, дважды в кино и провели воскресный вечер на пляже – а два дня назад, когда они сидели на кушетке и пили вино, он вдруг снял с Габи туфли.

– Что ты делаешь?

– Собираюсь помассировать тебе ноги. Наверное, они болят, ведь ты целый день проводишь стоя.

– Тогда сначала я их вымою.

– Мне все равно, чистые они или нет. Обожаю на них смотреть. У тебя красивые пальцы ног…

– Ты, случайно, не тайный фетишист?

– Нет. Просто я без ума от твоих ног. – Кевин пощекотал ей ступню, и Габи со смехом поджала ногу. В следующее мгновение они уже страстно целовались – а потом, лежа рядом, Кевин сказал, как сильно он ее любит. У Габи возникло ощущение, что стоит задуматься над возможностью переезда к нему.

Было неплохо. Максимум, до чего Кевин дошел в разговорах о будущем. Но…

Но что? Жить вместе – это шаг в будущее или всего лишь попытка продлить настоящее? Действительно ли она ждет предложения руки и сердца? Габи не знала. Ну… да. Но Кевин пока не готов. И поэтому, разумеется, каждый раз, когда они были вместе, в ее сознании возникали

вопросы: когда он будет готов? Будет ли он готов хоть когда-нибудь? Почему он не хочет на ней жениться?

Разве это неправильно – желать брака, а не просто совместной жизни? Габи уже ни в чем не была уверена. Некоторые женщины с детства знают, что в таком-то возрасте выйдут замуж, именно это и происходит. Другие же, не стремясь под венец, спокойно переезжают жить к своим возлюбленным, и у них тоже все идет как по маслу. Иногда Габи казалось, что она – единственный человек на свете, у которого не выработан план действий. Для нее брак всегда был чем-то неопределенным. Событие, которое должно произойти. Ведь так?

От этих мыслей у Габи разболелась голова. Больше всего ей сейчас хотелось посидеть на веранде с бокалом вина и ненадолго позабыть обо всем. Но Тревис Паркер сидел у себя на крыльце и листал журнал – следовательно, вылазка была исключена. Вечером в четверг Габи снова торчала дома.

Жаль, что Кевин был занят допоздна – они могли бы чем-нибудь заняться вместе. У него была назначена встреча с дантистом, который открывал свое дело и нуждался в услугах страховщика. Это не так уж плохо – Габи знала, что Кевин всецело поглощен карьерой, – но вдобавок рано утром он отправлялся вместе с отцом в Миртл-Бич на конференцию. Следовательно, Габи предстояло увидеть его лишь в среду, а до тех пор сидеть в четырех стенах. Отец Кевина заправлял одной из крупнейших страховых контор в Северной Каролине, и с каждым годом, по мере того как близился момент его выхода на пенсию, у Кевина прибавлялось обязанностей. Иногда Габи удивлялась: в его жизни все было расписано с тех пор, как Кевин научился ходить. Но, наверное, бывает и хуже. Если закрыть глаза на кумовство, Кевин не то чтобы получал деньги просто так: отец проводил на работе меньше двадцати часов в неделю, а сын, как правило, – около шестидесяти. Кевин располагал штатом в тридцать сотрудников, управленческие проблемы сыпались градом, но у него был дар общаться с людьми. По крайней мере, именно так говорили на двух корпоративных рождественских вечеринках, куда Кевин приглашал Габи.

Да, она им гордилась, но в такие вечера, как этот, ей казалось, что ее собственная жизнь проходит мимо. Может быть, махнуть на пляж, пить вино и смотреть на закат? На мгновение Габи задумалась. Потом отвергла эту идею. Сидеть одной дома еще куда ни шло, но если она будет пить в одиночестве на пляже, то почувствует себя полной неудачницей. Все решат, что у нее нет ни одной близкой души на целом свете, а это ведь неправда. У Габи много друзей. Просто так случилось, что ни одного из них нет в пределах ста миль – и воспоминание об этом отнюдь не улучшило ей настроения.

Хотя, если взять с собой собаку… это другое дело. Самая естественная вещь, притом полезная для здоровья. Пришлось употребить большую часть болеутоляющих, какие только нашлись в аптечке, но боль в мышцах наконец утихла. Габи не вернулась на тренировки – эти люди, судя по всему, мазохисты, – но начала более или менее регулярно посещать тренажерный зал. По крайней мере последние несколько дней. Она была там в понедельник и в среду и намеревалась выкроить немного времени завтра.

Девушка встала с кушетки и выключила телевизор. Молли не было в комнате; догадавшись, что она в гараже, Габи направилась туда. Дверь была приоткрыта. Когда она вошла и включила свет, то обнаружила, что ее окружают поскуливающие, дрожащие меховые комочки. Габи позвала собаку – и вскрикнула…

Тревис только что зашел на кухню, намереваясь вынуть из холодильника цыплячью грудку, когда услышал бешеный стук в дверь.

– Доктор Паркер! Тревис! Вы дома?

Он узнал голос Габи.

Лицо у нее было бледное и перекошенное от ужаса.

– Идемте, – выпалила она. – Молли плохо.

Тревис действовал машинально; когда Габи побежала обратно к дому, схватил с заднего сиденья машины медицинский саквояж, который брал с собой, если его внезапно вызывали на какую-нибудь ферму. Отец всегда твердил: необходимо держать наготове все, что может понадобиться, и Тревис хорошо запомнил его наставления. Габи оставила дверь открытой и скрылась в глубине дома. Тревис последовал за ней секундой позже и догнал на кухне, возле двери, ведущей в гараж.

– Она тяжело дышит, и ее рвет, – пояснила Габи. – И… из нее что-то свешивается.

Тревис мгновенно понял, в чем дело. Выпадение матки. Остается надеяться, что он не опоздал.

Поспешно сполоснув руки в кухонной раковине, он спросил:

– А можно каким-то образом прибавить света? Например, принести лампу?

– Разве вы не отвезете Молли в клинику?

– Возможно, – ответил Тревис, стараясь говорить спокойно. – Но не прямо сейчас. Сначала нужно что-то предпринять. И мне потребуется свет. Вы сможете что-нибудь придумать?

– Да-да… конечно. – Габи исчезла на кухне и вернулась с лампой. – С Молли все будет в порядке?

– Узнаем через пару минут… – Держа руки поднятыми вверх, как хирург, Тревис кивком указал в сторону лежащего на полу саквояжа. – Не могли бы вы его захватить? Просто отнесите в гараж и заодно поставьте лампу. Как можно ближе к Молли. Понятно?

– Да, – кивнула Габи, стараясь не паниковать.

Тревис осторожно подошел к собаке, с облегчением заметив, что Молли в сознании. Габи тем временем подключила лампу. Молли скулила, что было вполне естественно. Тревис принялся рассматривать трубчатую массу, которая торчала из влагалища, потом взглянул на щенков. Видимо, Молли ощенилась не более получаса назад, и слава богу. Малейшая возможность некроза…

– Что теперь? – спросила Габи.

– Просто держите ее и разговаривайте с ней. Мне нужно, чтобы Молли не волновалась.

Когда девушка заняла свое место, Тревис опустился на корточки рядом с собакой. Он прислушивался, как Габи что-то бормочет и шепчет, почти прижавшись к Молли лицом. Собака высунула язык – еще один хороший знак. Тревис осторожно исследовал матку, и колли слегка дернулась.

– Что с ней такое?

– Выпадение матки. То есть часть ее вывернулась наизнанку и теперь торчит наружу. – Он пощупал матку и осторожно повернул, чтобы посмотреть, нет ли разрывов или некротических пятен. – Она ощенилась без особых проблем?

– Не знаю. Понятия не имею, когда это случилось. С ней ведь все будет в порядке?

Тревис сосредоточился и потому промолчал.

– Откройте саквояж, – после паузы попросил он. – Там должен быть соляной раствор и смазка.

– Что вы хотите сделать?

– Нужно очистить матку. А потом вернуть ее на место. Я попытаюсь вправить вручную. Если повезет, она войдет сама. Если нет, придется отвезти Молли в клинику.

Габи нашла раствор и протянула Тревису. Тот промыл матку дважды и потянулся за смазкой, надеясь, что все получится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.